

Н. С. ГУМИЛЕВ

М И К

АФРИКАНСКАЯ ПОЭМА

УМСА-PRESS

Н. ГУМИЛЕВ

М И К

АФРИКАНСКАЯ ПОЭМА

„МЫСЛЬ“
ПЕТРОГРАД
1922

Н. ГУМИЛЕВ

М И К

АФРИКАНСКАЯ ПОЭМА

YMCA-PRESS

**11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève
PARIS 5e**

Поэма "МИК" была написана в 1913 или 1914 году по возвращении Н.Гумилева из последнего путешествия в Африку. Отдельным изданием вышла впервые в 1918 году в издательстве "Гиперборей".

М И К

I.

Сквозь голубую темноту,
Неслышно от куста к кусту
Переползая, словно змей,
Среди трясин, среди камней
Свирепых воинов отряд
Идет—по десятеро в ряд.
Мех леопарда на плечах,
Меч на боку, ружье в руках,—
То абиссинцы; вся страна
Их негусу покорена,
И только племя Гурабе
Своей противится судьбе,
Сто жалких деревянных пик—
И рассердился Менелик.

Взошла луна, деревня спит,
Сам Дух Лесов ее хранит.
За всем следит он в тишине,
Верхом на огненном слоне:
Чтоб Аурарис носорог
Напасть на спящего не мог,
Чтоб бегемота Гумаре
Не окружили на заре
И чтобы Азо крокодил
От озера не отходил;
То благосклонен, то суров,

За хвост он треплет рыжих львов.
Но, видно, и ему невмочь
Спасти деревню в эту ночь!
Как стая бешеных волков,
Враги пустились... Страшный рев
Раздался, и в ответ ему
Крик ужаса прорезал тьму.
Отважно племя Гурабе,
Давно приучено к борьбе,
Но бой ночной—как бег в мешке,
Копье не держится в руке,
Они захвачены врасплох,
И слаб их деревянный бог.

Но вот неожиданная заря
Взошла над хижиной царя.
Он сам, вспугнув ночную сонь,
Зажег губительный огонь
И вышел, страшный и нагой,
Маша дубиной боевой.
Раздуты ноздри, взор горит,
И в грудь, широкою, как щит,
Он ударяет кулаком..
Кто выйдет в бой с таким врагом?
Смутились абиссинцы—но
Вдруг выступил Ато-Гано,
Начальник их. Он был старик,
В собраньях вежлив, в битве дик,
На все опасные дела
Глядевший взорами орла.
Он крикнул: «Э, да ты не труси
Все прочь, я за него возьмусь».

Дубину поднял негр; старик.
Увертливый к земле приник,
Пустил копье, успел скакнуть
Всей тяжестью ему на грудь,
И, оглушенный, сделал враг
Всего один неловкий шаг,
Упал, и грудь его рассек
С усмешкой старый человек.
Шептались воины потом,
Что под сверкающим ножом
Как будто огненный язык
Вдруг из груди его возник
И скрылся в небе, словно пух.
То улетал могучий дух,
Чтоб стать бродячею звездой,
Огнем болотным в тьме сырой
Или поблескивать едва
В глазах пантеры или льва.

Но был разгневан Дух Лесов
Огнем и шумом голосов
И крови запахом—он встал,
Подумал и загрохотал:
«Эй, носороги, эй, слоны,
И все, что злобны и сильны.
От пастбища и от пруда
Спешите, буйные, сюда,
Ого, го, го, ого, го, го!
Да не щадите никого».
И словно ожил темный лес
Ордой страшилищ и чудес;
Неслись из дальней стороны

Освирепелые слоны,
Открыв травой набитый рот,
Скакал, как лошадь, бегемот,
И зверь, чудовищный на взгляд,
С кошачьей мордой, а рогат,
За ними. Я мечту таю,
Что я его еще убью
И, к удивлению друзей,
Врагам на зависть, принесу
В зоологический музей
Его пустынную красу.

«Ну, ну, сказал Ато-Гано,—
Здесь и пропасть немудрено,
Берите пленных и домой!»
И войско бросилось гурьбой.
У трупа мертвого вождя
Гано споткнулся, уходя,
На мальчугана лет семи,
Забытого его людьми.
«Ты кто?» — старик его спросил,
Но тот за палец укусил
Гано. «Ну, верно, сын царя» —
Подумал воин, говоря:
«Тебя с собою я возьму,
Ты будешь жить в моем дому».
И лишь потом узнал старик,
Что пленный мальчик звался Мик.

II.

В Адис-Абебе праздник был,
Гано подарок получил
И, возвратясь из царских зал,
Он Мику весело сказал:
«Сняв голову, по волосам
Не плачут. Вот теперь твой дом;
Служи и вспоминай, что сам
Авто-Георгис был рабом».

Прошло три года. Служит Мик,
Хоть он и слаб и невелик.
То подметает задний двор,
То чинит прорванный шатер,
А поздно вечером к костру
Идет готовить инджиру
И, получая свой кусок,
Спешит в укромный уголок,
А то ведь сглазят на беду
Его любимую еду.

Порою от насмешек слуг
Он убегал на ближний луг,
Где жил, привязан на аркан,
Большой косматый павиан.
В глухих горах Ато-Гано
Его поймал не так давно

И ради прихоти привез
В Адис-Абебу, город роз.
Он никого не подпускал,
Зубами щелкал и рычал,
И слуги думали, что вот
Он ослабеет и умрет.
Но злейшая его беда
Собаки были; те всегда
Сбегались лаять перед ним,
И, дикой яростью томим,
Он поднимался на дыбы,
Рыл землю и кусал столбы.
Лишь Мик, вооружась кнутом,
Собачий прекращал содом.
Он приносил ему плоды
И в тыкве срезанной воды,
Покуда пленник не привык,
Что перед ним проходит Мик.

И наконец они сошлись:
Порой, глаза уставя вниз,
Обнявшись и рука в руке,
На обезьяньем языке
Они делились меж собой
Мечтами о стране иной,
Где обезьяньи города,
Где не дерутся никогда,
Где каждый счастлив, каждый сыт,
Играет вволю, вволю спит.

И клялся старый павиан
Седую гривую своей,

Что есть цари у всех зверей
И только нет у обезьян.
Царь львов—лев белый и слепой,
Венчан короной золотой,
Живет в пустыне Сомали,
Далеко на краю земли.
Слоновый царь— он видит сны
И, просыпаясь, говорит,
Как поступать должны слоны,
Какая гибель им грозит.
Царица зебр—волшебней сна,
Скача, поспорит с ветерком,
Давно помолвлена она
Со страусовым королем.
Но по пустыням, говорят,
Есть зверь сильнее и выше всех.
Как кровь, рога его горят,
И лоснится кошачий мех.
Он мог бы первым быть царем,
Но он не думает о том,
И, если кто его встречал,
Тот быстро чах и умирал.

Заслушиваясь друга, Мик
От службы у людей отвык,
И слуги видели, что он
Вдруг стал ленив и несмыслен.
Узнав о том Ато-Гано
Его послал толочь пшено,
А этот труд—для женщин труд,
Мужчины все его бегут.
Была довольна дворня вся,

Наказанного понося,
И даже девочки, смеясь,
В него бросали сор и грязь.

Уже был темен небосклон,
Когда работу кончил он
И, от досады сам не свой,
Не подкрепившись инджирой,
Всю ночь у друга своего
Провел с нахмуренным лицом
И плакал на груди его
Мохнатой, пахнувшей козлом.
Когда же месяц за утес
Спустился, дивно просияв,
И ветер утренний донес
К ним благовонье диких трав,
И павиан и человек
Вдвоем замыслили побег.

III.

Давно французский консул звал
Любимца негуса, Гано,
Почтить большой посольский зал,
Испробовать его вино,
И наконец собрался тот
С трудом, как будто шел в поход.
Был мул белей, чем полотно,
Был в красной мантии Гано,
Прощенный Мик бежал за ним
С ружьем бельгийским дорогим,
И крики звонкие неслись:
«Прочь все с дороги! Сторонись!»

Гано у консула сидит,
Приветно смотрит, важно льстит,
И консул, чтоб дивился он,
Пред ним заводит граммофон,
Игрушечный аэроплан
Порхает с кресла на диван,
И электрический звонок
Звонит, нетронутый никем.
Гано спокойно тянет грог,
Любезно восхищаясь всем,
И громко шепчет: «Ой ю гут!
Ой френджи, все они поймут».

А в это время Мик, в саду
Держащий мула за узду,
Не налюбуется никак
Ни на диковинных собак,
Ни на сидящих у дверей
Крылатых каменных зверей.
Как вдруг он видит, что идет
Какой то мальчик из ворот
И обруч, словно колесо,
Он катит для игры в серсо.
И сам он бел, и бел наряд,
Он весел, словно стрекоза,
И светлым пламенем горят
Большие смелые глаза.
Пред Миком белый мальчик стал,
Прищурился и засвистал:
«Ты кто?»—«Я абиссинский раб».—
«Ты любишь драться?»—«Нет, я слаб».—
«Отец мой консул». —«Мой вождем
Был».—«Где же он?»—«Убит врагом».—
«Меня зовут Луи».—«А я
Был прозван Миком».—«Мы друзья».

И Мик, разнежась, рассказал
Про павиана своего,
Что с ним давно б он убежал
И не настигли бы его,
Когда б он только мог стянуть
Кремень, еды какой-нибудь,
Топор иль просто крепкий нож;
Без них в пустыне пропадешь.
А там охотой можно жить,

Никто его не будет бить,
Иль стать царем у обезьян,
Как обещался павиан.
Луи промолвил: «Хорошо,
Дитя, что я тебя нашел!
Мне скоро минет десять лет,
И не был я еще царем.
Я захвачу мой пистолет,
И мы отправимся втроем.
Смотри: за этою горой
Дождитесь в третью ночь меня;
Не пропадете вы со мной
Ни без еды, ни без огня».
Он важно сдвинул брови; вдруг
Пронесся золотистый жук,
И мальчик бросился за ним,
А Мик остался недвижим.
Он был смущен и удивлен,
Он думал: «Это, верно, сон», —
В то время как лукавый мул
Жасмин и розы с клумб тянул.

Доволен, пьян, скача домой,
Гано болтал с самим собой:
«Ой френджи! Как они ловки
На выдумки и пустяки!
Запрятать в ящик крикуна,
Чтоб говорил он там со дна,
Им любо! Но зато в бою,
Я ставлю голову свою,
Не победит никто из них
Нас, бедных, глупых и слепых.

Не обезьяны мы, и нам
Не нужен разный детский хлам»
А Мик в мечтаньях о Луи,
Шаги не рассчитав свои,
Чуть не сорвался с высоты
В переплетенные кусты.

Угрюмо слушал павиан
О мальчишке из дальних стран,
Что хочет, свой покинув дом,
Стать обезьяньим королем.
Звериным сердцем чуял он,
Что в этом мире есть закон,
Которым каждому дано
Изведать что-нибудь одно:
Тем—жизнь средь городских забав,
Тем—запахи пустынных трав.
Но долго спорить он не стал,
Вздыхнул, под мышкой почесал
И прорычал, хлебнув воды:
«Смотри, чтоб не было беды!»

IV.

Луна склонялась, но чуть-чуть,
Когда они пустились в путь
Через канавы и бурьян,—
Луи, и Мик, и павиан.
Луи смеялся и шутил,
Мешок с мукою Мик тащил,
А павиан среди камней
Давил тарантулов и змей.
Они бежали до утра.
А на день спрятались в кустах,
И хороша была нора
В благоухающих цветах.

Они боялись их найдут.
Кругом сновал веселый люд,
Рабы, сановники, купцы,
С большими лютнями певцы,
Послы из дальней стороны
И в пестрых тряпках колдуны.
Поклонник дьявола порой,
С опущенною головой,
Спешил в нагорный Анкобер,
Где в самой темной из пещер
Живет священная змея,
Земного мать бытия.

Однажды утром, запоздав,
Они не спрятались средь трав,
И встретил маленький отряд
Огромный и рябой солдат.
Он Мика за руку схватил,
Ременным поясом скрутил.
«Мне улыбается судьба,
Поймал я белого раба!—
Кричал.— И деньги и еду
За это всюду я найду».
Заплакал Мик, а павиан
Рычал, запрятавшись в бурьян,
Но, страшно побледнев. Луи
Вдруг поднял кулаки свои
И прыгнул бешено вперед:
«Пусти, болван, пусти урод!
Я белый, из моей земли
Придут большие корабли
И с ними тысячи солдат...
Пусти иль будешь сам не рад!»
«Ну, ну,—ответил, струсив, плут.—
Идите с Богом, что уж тут».

И в вечер этого же дня,
Куда-то скрывшись, павиан
Вдруг возвратился к ним, стенья,
Ужасным горем обуян;
Он бил себя в лицо и грудь,
От слез не мог передохнуть.
И лишь катался по песку,
Стараясь заглушить тоску.
Увидя это, добрый Мик

Упал и тоже поднял крик
Такой, что маленький шакал
Его за милю услышал
И порешил, пускаясь в путь:
«Наверно, умер кто-нибудь».
Луи, не зная их беды,
К ручью нагнулся поскорей
И, шляпой зачерпнув воды,
Плеснул на воющих друзей,
И павиан, прервав содом,
Утершись, тихо затянул:
«За этою горой есть дом,
И в нем живет мой сын в плену.
Я видел, как он грыз орех,
В сторонке сидя ото всех.
Его я шопотом позвал,
Меня узнал он, завизжал,
И разлучил нас злой старик,
С лопатой выскочив на крик.
Его немисливо украсть,
Там псы могучи и хитры,
И думать нечего напасть,
Там ружья, копья, топоры».
Луи воскликнул: «Ну, смотри!
Верну я сына твоего,
Но только выберешь в цари
У вас меня ты одного».
Он принял самый важный вид,
Пошел на двор и говорит:
«Я покупаю обезьян.
У вас есть крошка-павиан,
Продайте!» — «Я не продаю», —

Старик в ответ. «А я даю
Вам десять талеров». – «Ой! ой!
Да столько стоит бык большой.
Бери». И вот Лум понес
Виновника столь горьких слез.
Над сыном радостный отец
Скакал, как мячик; наконец
Рванул его за хвост, любя.
«Что, очень мучили тебя?» —
«Я никаких не видел мук;
Хозяин мой—мой первый друг!
Я ем медовые блины,
Катаю обруч и пляшу,
Мне сшили красные штаны,
Я их по праздникам ношу».
И рявкнул старый павиан:
«Ну, если это не обман,
Тебе здесь нечего торчать!
Вернись к хозяину опять.
Стремись науки все пройти:
Трубить, считать до десяти...
Когда ж умнее станешь всех,
Тогда и убежать не грех!»

V.

Луны уж не было, и высь
Как низкий потолок была,
Но звезды крупные зажглись,
И стала вдруг она светла,
Переливалась... А внизу
Стеклянный воздух ждал грозу.
И слышат путники вдали
Удары бубна, гул земли.
И видят путники: растет
Во мгле сомнительный восход.
Пятьсот огромных негров в ряд
Горящие стволы влачат.
Другие пляшут и поют,
Трубят в рога и в бубны бьют.
А на носилках из парчи
Царевна смотрит и молчит.
То дочка Мохамед-Али,
Купца из Йеменской земли,
Которого нельзя не знать,
Так важен он, богат и стар,
Наряды едет покупать
Из Дире-Дауа в Харрар.
В арабских сказках принца нет,
Калифа, чтобы ей сказать:
«Моя жемчужина, мой свет,
Позвольте мне вам жизнь отдать!»

В арабских сказках гурий нет,
Чтоб с этой девушкой сравнять.

Она увидела Луи
И руки подняла свои.
Прозрачен, тонок и высок,
Запел, как флейта, голосок:
«О, милый мальчик, как ты бел,
Как стан твой прям, как взор твой смел!
Пойдем со мной. В моих садах
Есть много желтых черепах,
И попугаев голубых,
И яблок, соком налитых.
Мы будем целый день деньской
Играть, кормить послушных серн
И бегать взапуски с тобой
Вокруг фонтанов и цистерн.
Идем». Но мрачный, словно ночь,
Луи внимал ей, побледнев,
И не старался превозмочь
Свое презрение и гнев:
«Мне—слушать сказки, быть пажом,
Когда я буду королем,
Когда бесчисленный народ
Меня им властвовать зовет?
Но если б и решился я,
С тобою стало б скучно мне:
Ты не стреляешь из ружья,
Боишься ездить на коне».

Печальный, долгий, кроткий взор
Царевна подняла в упор

На гордого Луи и вдруг,
Вдруг прыснула... И все вокруг
Захотали. словно гром
Раздался в воздухе ночном.
Ведь хотали все пятьсот
Огромных негров, восемьсот
Рабов, и тридцать поваров,
И девятнадцать конюхов.
Но подала царевна знак,
Все выстроились кое-как
И снова двинулись вперед,
Держась от смеха за живот.

Когда же скрылся караван,
Тоскуя, Мик заговорил:
«Не надо мне волшебных стран,
Когда б рабом ее я был.
Она, поклясться я готов,
Дочь Духа доброго Лесов,
Живет в немыслимом саду,
В дворце, похожем на звезду.
И никогда, и никогда
Мне, Мику, не войти туда».
Луи воскликнул: «Ну, не трусь,
Войдешь, как я на ней женюсь».

VI.

Еще три дня, и их глазам
Предстал, как первобытный храм,
Скалистый и крутой отвес,
Поросший редкою сосной,
Вершиной вставший до небес,
Упершийся в дремучий лес
Своею каменной пятой.
То был совсем особый мир:
Чернели сотни круглых дыр,
Соединяясь меж собой
Одною узкою тропой;
И, как балконы, здесь и там
Площадки с глиной по краям
Висели, и из всех бойниц
Торчали сотни страшных лиц.
Я, и ложась навеки в гроб,
Осмелился бы утверждать,
Что это был, ни дать ни взять,
Американский небоскреб.
В восторге крикнул павиан,
Что это город обезьян.

По каменистому хребту
Они взошли на высоту;
Мик тихо хныкал, он устал,
Луи же голову ломал,

Как пред собой он соберет
На сходку ветреный народ;
Но павиан решил вопрос:
Обезьяненка он принес
И начал хвост ему щипать,
А тот—визжать и верещать;
Таков обычай был, и вмиг
Все стадо собралось на крик.

И начал старый павиан:
«О, племя вольных обезьян,
Из плена к вам вернулся я,
Со мной пришли мои друзья,
Освободители мои,
Чтоб тот, кого мы изберем,
Стал обезьяньим королем...
Давайте, изберем Луи».
Он, кончив, важно замолчал,
Луи привстал, и Мик привстал,
Кругом разлился страшный рев,
Гул многих сотен голосов:
«Мы своего хотим царем!»—
«Нет, лучше Мика изберем!»—
«Луи!»—«Нет, Мика!»—«Нет, Луи!»
Все, зубы белые свои
Оскалив, злятся... Наконец
Решил какой-то молодец:
«Луи с ружьем, он чародей..
К тому ж он белый и смешней».

Луи тотчас же повели
На холмик высохшей земли,

Надев на голову ему
Из трав сплетенную чалму
И в руки дав слоновый клык,
Знак отличительный владык.
И, мир преобразая в сад
Алеющий и золотой,
Горел и искрился закат
За белокурой головой.
Как ангел мил, как демон горд,
Луи стоял один средь морд
Клыкастых и мохнатых рук,
К нему протянутых вокруг.
Для счастья полного его
Не доставало одного:
Чтобы сестра, отец и мать
Его могли здесь увидеть,
Хоть силою волшебных чар,
И в «Вокруг Света» обо всем
Поведал мальчикам потом
Его любимый Буссенар.

VII.

Луи суровым был царем.
Он не заботился о том,
Что есть, где пить, как лучше спать,
А все собирался воевать;
Хотел итти, собрав отряд,
Отнять у злобной львицы львят
Иль крокодила из реки
Загнать в густые тростники,
Но ни за что его народ
Не соглашался на поход,
И огорченный властелин
Бродил, печален и один.
Спускался он на дно пещер,
Где сумрак ядовит и сер
И где увидеть вы могли б
В воде озер безглазых рыб.
Он поднимался на утес,
Собой венчавший весь откос,
И там следил, как облака
Ваяет Божия рука.
Но лишь тогда бывал он рад,
Когда смотрел на водопад,
Столбами пены ледяной
Дробящийся над крутизной.
К нему тропа, где вечно мгла,
В колючих зарослях вела,

И мальчик знал, что не проста
Там тишина и темнота
И даже птицы не поют,
Чтоб оживить глухой приют.
Там раз в столетие трава,
Шурша, вскрывается, как дверь.
С рогами серны, с мордой льва,
Приходит пить какой-то зверь.
Кто знает, где он был сто лет,
И почему так стонет он
И замечает лапой след,
Хоть только ночь со всех сторон,
Да, только ночь, черна, как смоль,
И страх, и буйная вода,
И в стогах раненого боль,
Не гаснущая никогда...

Но все наскучило Луи,—
Откос, шумящие струи,
Забавы резвых обезьян
И даже Мик и павиан.
Сдружился он теперь с одной
Гиэной старой и хромой,
Что кралась по ночам на скат,
Чтоб воровать обезьянят.
Глазами хитрыми змеи
Она смотрела на Луи
И заводила каждый раз
Лукавый, льстивый свой рассказ:
Он, верно, слышал, что внизу,
В большом тропическом лесу,
Живут пантеры? Вот к кому

Спуститься надо бы ему!
Они могучи и смелы,
Бросаются быстрее стрелы,
И так красив их пестрый мех,
Что им простится всякий грех.

Напрасно друга Мик молил,
Глухим предчувствием томим,
Чтоб он навек остался с ним
И никуда не уходил.
Луи, решителен и быстр,
Сказал: «Ты только мой министр!
Тебе я власть передаю,
И скипетр, и чалму мою,
И мой просторный царский дом,
А сам я буду королем
Не этих нищенских пещер,
А леопардов и пантер».
Ушел, и огорчился стан
Всегда веселых обезьян.
Они влезали на карниз.
Внимательно смотрели вниз.
Оттуда доносился рев
Им незнакомых голосов,
И горько плакали они,
Минувшие припомнив дни
И грустно думая о том,
Что случилось с гневным их царем.

VIII.

Едва под утро Мик уснул.
Во сне он слышал страшный гул.
Он видел мертвого отца,
И лился пот с его лица.
Проснулся... Старый павиан
Собрал храбрейших обезьян.
Они спускаться стали вниз,
Держась за ветви, за карниз;
Переплетья свои хвосты,
Над бездной строили мосты,
Пока пред ними дикий лес
Не встал, а город не исчез
И не мелькнули средь стволов
Клыки и хоботы слонов.

Долина им была видна,
Деревьями окружена,
И посреди большой утес,
Что мхом и травами оброс.
На нем один лежал Луи
И раны зажимал свои.
Вперив в пространство мутный взор,
Чуть поднимал он свой топор,
А восемь яростных пантер
Пред ним кружились; из пещер
Еще спешили... Отражал

Всю ночь их мальчик и устал.
Как град камней, в траву полян
Сорвалась стая обезьян,
И силою живой волны
Пантеры были сметены
И отступили... С плачем Мик
К груди товарища приник.
Луи в бреду ему шептал,
Что он царем и здесь бы стал,
Когда б не гири на ногах,
Не красный свет в его глазах
И не томящий, долгий звон...
И незаметно умер он.

Тогда, хромая, из кустов
Гиэна выбежала; рев
Раздался, яростен и груб:
«Он мой! Скорей отдайте труп!»
Смутилась стая обезьян,
Но прыгнул старый павиан
С утеса на гиэну вниз
И горло мерзкой перегрыз.

Где пальмы веером своим
Кивают облакам седым,
Где бархатный ковер лугов
Горит, весь алый от цветов,
И где журчит, звенит родник,
Зарыл Луи печальный Мик.
Там ласточки с огнем в глазах
Щебечут, милые, в ветвях.
Они явились издали,

Из франкской, может быть, земли,
И щебетали свой привет
Перед готическим окном,
Где увидел впервые свет
Луи в жилище родовом.

И над могилой друга Мик
Запел: «Луи, ты был велик,
Была сильна твоя рука,
Белее зубы молока!
Зачем, зачем, зачем в бою
Не принял помощь ты мою,
Зачем, зачем, когда ты пал,
Ты павиана не позвал?
Уж лучше б пуля иль копье
Дыханье вырвали твое!
Не помиришься ты с врагом...
Все это кажется мне сном!»
Завыл печальный павиан,
Завыла стая обезьян,
И вот на шум их голосов,
Горя, как месяц в вышине,
Явился мощный Дух Лесов
Верхом на огненном слоне,
Остановился, и взглянул,
И грозно крикнул Мику: «Ну?»
Когда ж узнал он обо всем,
Широким пальмовым листом
Он вытер слезы на глазах...
«Я перед Миком в должниках:
В ту ночь, как племя Гурабе
Изнемогало в злой борьбе,

Болтая с месяцем как раз,
Я не пришел к нему, не спас.
О чем бы ни мечтал ты, Мик,
Проси, где даст тебе старик».
И поднял руки Мик свои,
И медленно проговорил:
«Мне видеть хочется Луи
Таким, каким он в жизни был».—
«Он умер».—«Пусть и я умру».—
«Но он в аду».—«Пойду и в ад!
Я брошусь в каждую дыру,
Когда в ней мучится мой брат».—
«Ну, если так, не спорю я!
Вдоль по течению ручья
Иди три дня, потом семь дней
Через пустыню черных змей;
Там у чугунной двери в ад,
С кошачьей мордой, но рогат,
Есть зверь, и к брату твоему
Дорога ведома ему.
Но тем, кто раз туда попал,
Помочь не в силах даже я.
Смотри ж!» Но Мик уже бежал
Вдоль по течению ручья.

IX.

В отвесной каменной стене,
Страшна, огромна и черна,
Виднелась дверь из чугуна
На неприступной высоте.
Усталый, исхудалый Мик
Пред нею головой поник
И стонет: «Больше нет пути,
Не знаю я, куда итти,
Хоть сам могучий Дух Лесов—
Хранитель мой и мой покров».

Тут медленно открылась дверь,
И медленно явился зверь
С кошачьей мордой, а рогат.
И Мик потупил в страхе взгляд,
Но в дверь вступил. Они пошли
По коридору, где в пыли
Валялись тысячи костей
Рыб, птиц, животных и людей.
Как та страшна была тропа!
Там бормотали черепа,
Бычачьи двигались рога,
Ища незримого врага,
И гнулись пальцы мертвецов,
Стараясь что-нибудь поймать...
Но вот прошли широкий ров,
И легче сделалось дышать.

Там им открылся мир иной,
Равнина с лесом и горой,
Необозримая страна,
Жилище душ, которых нет.
Над ней струила слабый свет
Великолепная луна;
Не та, которую ты сам
Так часто видишь по ночам,
А мать ее, ясна, горда,
Доисторических времен,
Что умерла еще тогда,
Как мир наш не был сотворен.
Там тени пальм и сикомор
Росли по склонам черных гор,
Где тени мертвых пастухов
Пасли издохнувших коров.
Там тень охотника порой
Ждала, склоняясь над норой,
Где сонно грызли тень корней
Сообщества бобров-теней.
Но было тихо все вокруг,
Ни вздох, ни лепет струй, ни стук
Не нарушал молчанья. Зверь
Промолвил Мику: «Ну, теперь
Ищи!» А сам устало лег,
Уткнувшись мордую в песок.

За каждый куст, за каждый пень,
Хотя тот куст и пень — лишь тень,
В пещеру, в озеро, в родник,
Идя, заглядывает Мик,
За тенью дикого волчца

Он своего узнал отца,
Сидевшего, как в старину,
На грязной, бурой шкуре гну.
Мик, плача, руки протянул,
Но тот вздохнул и не взглянул,
Как будто только ветерок
Слегка его коснулся щек.
Как мертвецы невидны нам,
Так мы невидны мертвецам.

Но нет нигде, нигде Луи.
Мик руки заломил свои,
Как вдруг он бросился бежать
Туда, где зверь улегся спать.
«Скорей вставай!—кричит ему—
И отвечай мне, почему
Здесь только черные живут,
А белых я не видел тут?»
Зверь поднял страшные глаза:
«Зачем ты раньше не сказал!
Все белые—как колдуны,
Все при рожденьи крещены,
Чтоб после смерти их Христос
К себе на небеса вознес.
Наверх направь шаги свои
И жаворонка излови.
Он чист, ему неведом грех,
И он летает выше всех.
Вот три зерна (их странен вид,
Они росли в мозгу моем),
Когда их съест, заговорит
Он человеческим языком».

к было радостно опять
Пустыню Мику увидеть,
Услышать ветер, и родник,
И попугаев резкий крик!
Он сделал из волос силок,
И жаворонка подстерег,
И выпустил его, одно
Сначала дав ему зерно.
Опять влюбленный в Божий свет,
Свободный жаворонок ввысь
Помчался, и ему вослед
Надежды Мика понеслись.
Когда же птица с высоты
Упала камнем, чуть дыша, —
«Ну, что? Скажи, что видел ты?» —
Мик теребил его, спеша.
«Я видел красных райских птиц,
Они прекраснее зарниц,
В закатных тучах гнезда вьют
И звезды мелкие клюют.
Они клялись мне, что твой друг
Попал в седьмой небесный круг,
Перед которым звездный сад
Червей, чем самый черный ад».

Мик дал ему еще зерно,
Целуя и прося одно,
И взвился жаворонок вновь,
Хоть в нем и холодела кровь.
Он только через день упал
И больше часа не дышал,
Но наконец проговорил:

«Средь отдаленнейших светил,
За гранью Божьего огня,
Я встретил ангела, что пел
Про человеческий удел,
Алмазным панцырем звеня:
«Пусть ни о чем не плачет Мик:
Луи высоко, он в раю,
Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою».

Его целуя горячо,
Мик попросил: «Крылатый друг,
Молю, вот с ешь зерно еще
И полети в надзвездный круг».
И жаворонок третий раз
Поднялся и пропал из глаз.
Три дня ждал жаворонка Мик
И к ожиданию привык,
Когда свалился на песок
Холодный пуховой комок.
Такое видеть торжество
Там жаворонку довелось,
Что сердце слабое его
От радости разорвалось.

Х.

Дуглас, охотник на слонов,
Сердился: ужин не готов,
Любимый мул его издох,
И новый проводник был плох.
Он взял ружье и вышел в лес,
На пальму высохшую влез
И ждал. Он знал, что здесь пойдет
На водопой лесной народ,
А у него мечта одна—
Убить огромного слона,
Особенно когда клыки
И тяжелы и велики.
Вот засветился Южный Крест,
И тишина легла окрест,
Как будто старый Дух Лесов
Замедлил бег ночных часов
И вот явились: дикобраз,
За ним уродливые гну,
Вслед козы—и решил Дуглас:
«Я после застрелю одну».
Но, рыжей гривой тряся,
Высоко голову неся,
Примчался тяжким скоком лев,
И все бежали, оробев,
И даже буйвол отступил,
Сердито фыркнув, в мокрый ил.

Царь долго пил, потом зевнул,
И вдруг вскочил и заревел;
В лесу раздался смутный гул,
Как будто ветер прошумел;
И пересекся небосклон
Коричневою полосой,—
То, поднимая хобот, слон
Вожак вел стадо за собой.
Ему согнувшийся Дуглас
Навел винтовку между глаз;
Так не один гигант лесной
Сражен был пулей разрывной.
Он был готов спустить курок,
Когда почувствовал толчок
И промахнулся. Это Мик
К нему среди ветвей проник:
«А, негодяй!—вскричал Дуглас—
Знай, ты раскаешься сейчас!»
И тот ответил: «Гета, ну!
Не надо делать зла слону.
Идет под старость каждый слон
Все на один и тот же склон,
Где травы, данные слонам,
Вкусней и родники свежей,
И умирает мирно там
Среди прадедовских костей.
Коль ты согласен, я готов
Твоим слугою быть, а мне
Известно кладбище слонов,
В галласской скрытое стране».—
«Пусть Бог хранит тебя за то!—
Вскричал Дуглас, забывши злость.—

Идем! И в Глазго и в Бордо
Слоновья требуется кость». **Вплоть до утра** работал Мик,
Хвосты и гривы мулам стриг
И чистил новое свое
Шестизарядное ружье.

Прошло три месяца, и вот
В Адис-Абебу Мик ведет
Из диких, неизвестных стран
С слоновой костью караван.
Дуглас мечтает: «Богачу
Я все на месте продаю
И миллионером укачу
К себе, в Шотландию мою!»

Сто тридцать ящиков вина,
Сто тридцать ярдов полотна
Подносит негусу Дуглас
И так кончает свой рассказ:
«Я караван мулиный свой
Оставил Мику. Он богат.
В Адис-Абебе зашумят,
Что это нагадрас большой.
Его в верховный свой совет
Прими и совещайся с ним.
Он защитит тебя от бед
Умом и мужеством своим».
Орлиный светлый взгляд один
На Мика бросил властелин
И, улыбнувшись, сделал знак,
Обозначавший: будет так.

В Адис-Абебе не найти
Глупца, который бы не знал,
Что Мик на царственном пути
Прекрасней солнца воссиял.
С ним, благосклонен и велик,
Советуется Менелик,
Он всех отважней на войне,
Всех уважаемей в стране.

В Адис-Абебе нет теперь
Несчастливого иль пришлеца,
Пред кем бы не открылась дверь
Большого Микова дворца.
Там вечно для радушных встреч,
Пиров до самого утра,
Готовится прохладный тэдж
И золотая инджира.
И во дворце его живет,
Встречая ласку и почет,
С ним помирившийся давно,
Слепой старик, Ато-Гано.

ПРИМЕЧАНИЯ.

- А в т о-Г е о р г и с**—военный министр Абиссинии достигший этого положения из рабов.
- А д и с - А б е б а** — главный город Абиссинии, резиденция негуса.
- А н к о б е р**—город в Абиссинии.
- А т о-Г а н о** — Гано—абиссинское имя. Ато—приставка. в роде нашего «господин» или французского «monsieur».
- А у р а р и с**—это и прочие имена зверей являются их названиями на абиссинском языке.
- Г е т а**—по-абиссински «господин».
- Г у р а б е**—маленькое негритянское племя на южной границе Абиссинии.
- Д и р е-Д а у а**—город в Абиссинии.
- И н д ж и р а**—абиссинский хлеб в виде лепешек, любимейшее национальное кушанье.
- М е н е л и к**—абиссинский негус (1844—1913).
- М о х а м е д-А л и** — богатейший в Абиссинии купец, араб из Йемена.
- Н а г а д р а с** — собственник каравана, почетное название богатых купцов.

Негус—титул абиссинских царей.

Ой ю гут—восклицание, выражающее удивление.

Талер—в Абиссинии в ходу только талеры Марии-Терезии.

Тэдж—абиссинское пиво, любимый национальный напиток.

Френджи—абиссинское название европейцев.

Харрар—город в Абиссинии.

ACHEVÉ D'IMPRIMER
EN JUIN 1980
PAR JOSEPH FLOCH
MAITRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE
N°7180

СРЕДИ ИЗДАНИЙ
поэтов XX века

ГУМИЛЕВ Н. Неизданные стихи и письма. (Прим. и комментарии Г.П.Струве). 1980. 232 стр.

Гумилев в России до сих пор под запретом. Это первая широкая публикация его писем, включающих множество неизданных стихотворений поэта, в основном раннего периода (письма к Брюсову). Переписка с Ларисой Рейснер дает богатейший материал для биографии Гумилева в революционное время. Книга снабжена обширным историческим и литературным комментарием.

ЦВЕТАЕВА М.И. Волшебный фонарь. Репринт. 1979. 148 стр.

Вторая книга стихов Марины Цветаевой. Большая часть вошедших в сборник произведений никогда не была переиздана.

ЦВЕТАЕВА М.И. Неизданное. 1976. 380 стр.

Юношеские стихи. Стихи 1915-1917 гг. Каменный ангел (драма). Повесть о Сонечке. (часть 1,2).

ЦВЕТАЕВА М.И. После России. Стихи 1922-25 гг. 1976. 160 стр.